

ОУИ НБ МГУ №441-442

О замечательном Практическом институте, биостанциях и личном контакте с самой передовой генетикой

<https://oralhistory.ru/talks/orh-441-442>

🎙 30 января 1975

Собеседник

Тимофеев-Ресовский Николай Владимирович

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 30 января 1975 и опубликована 28 сентября 2016.

Введение

В этой беседе Н. В. Тимофеев-Ресовский рассказывает о том, как преподавание дало возможность прокормиться в тяжелые годы после Гражданской войны, хотя его приходилось совмещать с учебой в университете, а потом и с научной работой в Институте экспериментальной биологии. Ученый говорит об увлекательной летней работе на биостанциях, биологических кружках, о приезде Г. Мёллера и приобщении к передовой науке — генетике. Тимофеев-Ресовский вспоминает, как и когда пришло понимание того, что в биологии наступает новая эра и что настало время оживить и поставить на новые рельсы эволюционное учение.

Виктор Дмитриевич Дувакин: Прошу вас, Николай Владимирович, продолжать.

Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский: Да. Так вот, прошлый раз я рассказывал в основном про гимназии и про университеты. Ну, далеко не все и даже, наверное, много интересного забыл, но ежели как-нибудь вспомню и как-нибудь удастся мне прослушать то, что вы записали, то можно будет дополнить.

В.Д.: Пожалуйста.

Н.Т.-Р.: А сегодня хочу вам рассказать, как и почему я залез в науки, уже более или менее официально, стал, значит, этим самым так называемым научным работником. Это один из довольно... сейчас у нас чрезвычайно распространенный сорт паразитов и иногда лишь полупаразитов. Тогда их, нашего брата, было еще сравнительно немного, и, можно сказать, что мы большого вреда нашему отечеству не приносили.

Так вот. Времени у меня в эти годы, после того, как начался нэп, с 22-го года, собственно, с конца 21-го, с зимы 21-го — 22-го года, было мало, потому что жизнь... для того, чтоб жить, надо было есть, для того, чтобы есть, надо было зарабатывать на еду. К этому времени запасы от так сказать (*усмехается*) гнусного царского режима более-менее были съедены уже всякие у большинства людей моего круга. И ничего уже не было. Даже которые получше плюшевые занавески, и те были съедены, пошли каким-то там спекулянтам, которые из этого, с одной стороны, делали дамские шляпы, с другой стороны, какие-то особо шикарные картузы для новых нэпмачей и, с третьей стороны, юбки в обтяжку для дам же. Вот. Так что все было подъедено, надо было как-то зарабатывать.

Кроме того, начала осуществляться денежная реформа. Лимоны, то есть миллионы, до того быстро росли в числе, в конце концов докатилось до того, что сколько-то миллионов трамвайный билет стоил, когда трамваи пошли, наконец, в Москве, что была произведена финансовая реформа, введены червонцы. Сколько-то (я забыл, это меня не интересует), сколько-то, значит, этих миллионов равнялись одному червонцу, а червонец — это было десять золотых рублей. И на червонец можно было купить чертову прорву всяких вещей.

В.Д.: Дороже царских?

Н.Т.-Р.: Он был, да, чуть-чуть подороже. Одним словом, когда через несколько лет мы с женой приехали в Германию, тогда совершенно свободно было, в меняльной кассе или в банке можно было червонцы обменять на марки. Скажем, до революции рубль стоил две марки десять пфеннигов, а один рубль червонный стоил две марки двадцать три пфеннига. Так что был он дороже царского рубля, червонный рубль. Вот.

Заработки разные

Ну, надо было, значит, деньги зарабатывать. Мы тогда не пали еще столь низко, чтобы зарабатывать деньги с помощью науки. Зарабатывали мы деньги работой, сперва физической. Я вот был, об этом я, кажется, рассказывал, был и грузчиком, был и пастухом один сезон в Тверской губернии, заработал здорово, был районным специалистом по сельскохозяйственным машинам, чинил косилки и жнейки — всякой такой мурой. А тут обосновался в Москве, занимался, значит, науками, и как-то, так сказать, отрывать время на физическую работу было уже некогда. Поэтому я пустился по интеллигентской линии — стал преподавателем.

В.Д.: Не помните, в каком точно году, а еще лучше и месяце вы окончательно осели в Москве, в последний раз?

Н.Т.-Р.: В Москве я осел, точно не помню, но в самом начале, в январе-феврале 21-го года, по-моему.

В.Д.: Уже больше не воевали?

Н.Т.-Р.: Больше не воевал. То есть я состоял на военной службе и получал, об этом я рассказывал, за пение в хоре Московского военного округа фронтовой паек. Вот. Фронтовой паек. Первым басом пел. Но это война такая была уже мирная, я бы сказал.

В.Д.: А как приехали в теплушке от этих бандитов, уже больше не поехали?

Н.Т.-Р.: Больше нет. Больше нет. Вот меня устроили в ППУОКР — Политпросвет... (два «п» вначале) Политпросвет управления округа. И я там читал лекции об эволюции и пел в хоре первым басом. Получал за это: за лекции простой паек, красноармейский, а за пение басом фронтовой паек, то есть двойной паек.

” Итого три пайка, что было очень здорово. Это было лучше всяких жалований. Но все это кончилось, конечно, потому что с утверждением червонца и нэпа всякие пайки отмирали, один за другим мирно и тихо кончались.

Я к ним вернусь еще в связи с биостанцией.

Я стал преподавать на рабфаке. Еще в приезды во время революции в Москву, я, по каким-то там традициям интеллигентским, немножко преподавал на вечерних Пречистенских рабочих курсах. Это считалось либеральным и передовым занятием.

В.Д.: Это в Лесном переулке?

Н.Т.-Р.: А черт его знает! Не помню. Пречистенские вечерние рабочие курсы превратились в первый и самый крупный в Москве рабфак, рабочий факультет — Пречистенский рабфак, огромное учреждение.

В.Д.: Имени Бухарина.

Н.Т.Р.: Это уж потом стало. Тогда Бухарин еще сам был деятелен, остроумен и ничего своего имени не допускал. Интересный, остроумный человек, между прочим. Так вот, на этом рабфаке я преподавал зоологию, и только зоологию. Через некоторое время, не помню, уже, кажется, в 22-м году, в начале 23-го я начал преподавать зоологию еще на каком-то рабфаке небольшом в районе Девичьего Поля и Погодинки¹. Там рабфаки всяких бывших Высших женских курсов, Второго мединститута, клиник всяких и так далее. Те устроили свой рабфак, и там я тоже преподавал.

¹ В этом районе был рабфак, организованный на базе реального училища им. П.Г. Шелапутина.

Здание Пречистенских рабочих курсов в Курсовом переулке. pastvu.com

Практический институт

Затем, организовался в 21-м — 22-м учебном году в качестве надстройки над Пречистенским рабфаком Практический институт², вуз, высшее учебное заведение, очень интересное. Его закрыли в 29-м году, уж когда меня не было, и мне было страшно жаль, и я с тех пор все время мечтал и мечтаю: а как хорошо бы возродить нечто подобное. Это был интереснейший институт, состоявший из трех факультетов.

² Практический институт возник на базе Пречистенского рабфака в 1921 г. Помещался в здании бывшего Коммерческого училища на Остоженке, д. 38.

В.Д.: Это не бывшие Высшие женские курсы?

Н.Т.Р.: Нет. Это Практический институт. Так и назывался.

В.Д.: Практический?

Н.Т.Р.: Практический институт, состоял из трех факультетов: экономического, сельскохозяйственного и биотехнического. Я стал преподавателем зоологии на биотехническом факультете при кафедре зоологии, вел практикум как малый, так и большой зоологический практикум. Это был интереснейший факультет. Ну, экономический и сельскохозяйственный были интересны только тем, что они были модернист... реформированными экономическими и сельскохозяйственными вузами. А биотехнический факультет был очень своеобразная, новая, очень талантливая, интересная и нужная выдумка. Это, собственно, был факультет, посвященный теоретическим основам любой прикладной биологии. Теоретическим основам прикладной биологии.

В.Д.: Понятно.

Н.Т.Р.: Это то, чего у нас не было и чего у нас нету до сих пор и в помине, сейчас и в помине нету. На биотехническом факультете было несколько циклов: цикл генетико-селекционный, цикл промысловый в широком смысле слова, разделявшийся на специальности: лесные промыслы, водные промыслы, охотничьи промыслы, зверобойные промыслы и так далее. Значит, все промысловое дело, понимая под промыслом, в отличие от агрономии или агротехники, то, что человек добывает из запасов постоянно самовозобновляющихся, так называемых диких или свободно живущих живых организмов: растений, животных и микроорганизмов.

В.Д.: До сбора грибов включительно?

Н.Т-Р.: До сбора грибов включительно и использования микроорганизмов.

В.Д.: Понятно.

Н.Т-Р.: Различных видов дрожжей, бактерий, водорослей низших и так далее. Вот. Значит, основы генетики и селекции, основы промышленного дела и... теоретические основы (третье направление) гидробиологии прикладной. Все проблемы очистки сточных вод, водопроводного дела и так далее, теоретические, в основном гидробиологические, гидрофизиологические основы этих дел. Затем теоретические основы прикладной энтомологии в качестве раздела защиты растений и прикладной дрожже-бактериологии, то есть вредители растений группы грибов и бактерий. Значит, опять-таки теоретические основы вот этих прикладных дел.

Директором и хозяином этого предприятия стал такой очень талантливый человек средних лет, я уж, грешным делом, даже забыл, кто он был по специальности. Какой-то, по-моему, агроном-экономист или что-то в этом роде, какой-то экономист или географ-экономист, может, географ-экономист. Генкин такой. Он-то в 29-м году... ему устроили посаже, а институту — разгон.

” Просто собралась слишком талантливая, умная компания и добропорядочная. Это с 29-го года и впредь уже больше не терпели. Ленинская эпоха кончилась, в 28-м году она кончилась.

Так вот. Формально, так же как и в университетские времена, курс был четырехгодичный. Первый курс был, так сказать, общим для всего института, для всех факультетов и всех специальностей, вроде как на естественном отделении университетов. Надо сказать, этот самый первый курс был очень сходен по программе с первым курсом естественного отделения университетов русских, то есть были основные общие курсы всех естественных наук. Преподавалась общая физика с малым практикумом, общая химия с малым практикумом, общая геология с малым практикумом и минералогией, общая зоология с двумя малыми практикумами, микроскопическим и макроскопическим, общая ботаника с практикумом по морфологии растений, общая география физическая. И все. Отпало по сравнению со старым режимом богословие. А новое еще не было введено, потому что оно преподавалось в школе и заканчивалось. Тогда был, кажется, один курс по Бухарину... (*говорят одновременно*) «Азбука коммунизма». А потом на последнем курсе был какой-то, значит, извиняюсь за выражение, «матов». Который «мат»: диамат или истмат, я уж не помню. Вот. И на этой основе со второго курса начиналось деление на три эти факультета. А с третьего курса уже внутри факультетов на специальности.

В.Д.: А всего было курсов?

Н.Т-Р.: Четыре, как и в университете.

В.Д.: В университет пять лет.

Н.Т-Р.: Никогда не было в старых университетах пяти. Пятый был клинический, у медиков только, но это был уже не университет, а клиники. А в университетах было четыре года. И за четыре года обучали большему, чем сейчас практически за шесть лет почти.

В.Д.: Семь лет даже, у медиков.

Н.Т-Р.: Вот. Потому что в прошлое-то время, дореволюционное, богословия было один час в неделю один семестр (*ухмыляется*), а посчитайте, сколько сейчас «богословия». Минимум двадцать пять процентов всего учебного плана. Это бы вот как-нибудь вымарать там. Так вот. Я с большим энтузиазмом и увлечением занимался преподаванием в этом Практическом институте.

В.Д.: Еще будучи студентом?

Н.Т-Р.: С 22-го года уже не будучи студентом.

В.Д.: Уже кончили?

Н.Т-Р.: Кончил, но не сдал государственных экзаменов, которые никогда и не сдал, потому что тут началась университетская реформа. И вообще, нужно было быть любителем доискиваться, значит, какой-то студенческой правды, чтобы что-то сдать. А я плюнул на все это.

В.Д.: Значит, вы просто покинули?

Н.Т-Р.: Да, да, покинул и стал заниматься наукой.

В.Д.: И никакой бумажки вам не выдали?

Н.Т-Р.: И никакой бумажки не выдали.

” И не требовалось тогда никаких бумажек с меня. Бумажки у нас пошли с 30-х годов. И с тех пор не прекращается пищебумажная жизнь. А раньше человека оценивали по делам его.

Во! Да кроме того, было известно, что я практически университет кончил.

В.Д.: У вас была зачетная книжка?

Н.Т-Р.: Ну, была. Я где-то, уж не помню, в Москве или за границей уже потерял ее. Было. Все было.

В.Д.: Написано было, что прошли практикум у Кольцова?

Женитьба

Н.Т-Р.: Да, да-да-да. Кроме того, у меня было, где-то в бумагах у Елены Александровны должно даже храниться, письмо Николая Константиновича Кольцова, удивительно милое. Когда мы за границу уехали, отчасти по его рекомендации, он дал мне письмо, в котором удостоверил, кто я и что я. (*Дувакин пытается остановить постукивание Николая Владимировича*) Это ничего. Никому не мешает.

В.Д.: Ну, я ж прослушивал.

Н.Т-Р.: Вы прослушивали другое, вы прослушивали — во! (*размеренно, громко постукивает по столу*), а это ничего.

В.Д. (*усмехается*): То же самое, только смягченно.

Н.Т-Р.: Так вот, Николай Константинович дал мне очень симпатичное письмо на немецком языке (или на французском, уж не помню) с изложением всего, кто я есть, чему я обучен и главное, что я, значит, его ученик и был старостой большого практикума его знаменитого, кольцовского, и всякая такая штука.

В.Д.: Вы к тому времени уже были женаты?

Н.Т-Р.: Женился я в 22-м году.

В.Д.: Как раз, да?

Н.Т-Р.: Да. Через большой практикум. Моя жена Лёлька... Ну, отдаленное какое-то знакомство домами, между нами и ими, было когда-то. Но она застряла в Крыму и с приключениями ехала из Симферополя, училась там в Симферопольском университете. Это был в те времена очень хороший университет. Все застрявшие академики и профессора наши знаменитые, застрявшие на юге, профессорствовали там. Приехала она и должна была тут устроиться опять. Но так как она начала у Кольцова в университете Шаняевского в свое время, то она, конечно, к Кольцову пошла. И Кольцов очень мило принял ее и направил ко мне, что, вот, я староста, попросите его от моего имени, старосту этого самого, вас устроить. Он где-нибудь там вам местечко найдет и всякая такая штука, и микроскоп достанет. <нрзб.> Что я и сделал. Но она как-то меня так обработала, что я, значит, женился. (*Дувакин смеется*.) У меня поэтому вместе с СеСеСеРе значок даже на пиджаке есть — пятидесятилетие. Просто написано «1922 — 1972».

В.Д.: Ваша золотая свадьба?

Н.Т-Р.: Совершенно верно. Мы отпраздновали тут золотую свадьбу, а оказывается СеСеСеРе свою золотую свадьбу отпраздновал (*смеется*), и по этому случаю значки выпустили. Но на них не написано, что это в пользу СеСеСеРе, поэтому я себе навесил. (*Дувакин смеется*.) Нам достали где-то.

Биостанция Практического института

Так вот, в этом Практическом институте собралось и очень небезынтересное студенчество. Сравнительно высокий процент всяких людей, выбитых из колеи революцией, как-то выбывших из университета неизвестно почему или не попавших в университет — вот всякие такие люди. И очень была талантливая, в общем, публика. Мы, главным образом профессор зоологии, такой Николай Владимирович, мой тезка, Римский-Корсаков. Ну, это была сплошная хохма. Зоология была двухфамильная и два Николая Владимировича, только один Римский-Корсаков, а другой Тимофеев-Ресовский, которые, значит, заправляли зоологией там.

И мы организовали на недостроенной фабричке «Карболит» на Влахернской³ по Савеловской дороге биологическую станцию. Замечательную биостанцию там устроили, студенческую для летних практикумов, и там устроили летние практикумы. И там Елену Александровну мы устроили тоже, она ассистенткой устроилась, так как была совершенно официально студенткой. Я был преподавателем, потому что не был студентом, а неизвестно кто был. А она была студентка, поэтому ассистенткой только была при практикуме зоологическом. Ну вот, летом мы там обучали зоологии этих людей.

³ С 1936 года станция стала называться «Турист».

На озере Глубоком. Слева направо: Н.В.Тимофеев-Ресовский, С.Р.Царпкин, Е.А. Тимофеева-Ресовская, А.П. Щербаков, О.А. Чернова, Чернов. 1924

И, надо сказать, что из моих учеников с учебного года 21–22 до учебного года 24–25 (после мы уехали), в общем, так сказать, в литературу научную попали, из моих тогдашних учеников, человек пятнадцать — двадцать. Это очень высокий процент. Печатались, печатали научные работы потом, состоя в разных... Сейчас жив и здоров еще один мой ученик Толя Щербаков. Он, значит, доктор биологии, профессор и всякая такая штука, и директор биостанции на Глубоком озере под Москвой тут. А остальные почти все померли. Как-то народ сейчас умирает сравнительно рано.

Вот этим я занимался. Затем Кольцов меня взял ассистентом в Медико-педологический институт. Педология — есть такая наука о детишках.

В.Д.: Его упразднили потом.

Н.Т-Р.: Его упразднили, разогнали, да.

В.Д.: Этнологию и педологию, две науки.

Н.Т-Р.: Да-да-да-да. Решили, что это наука какая-то антимарксистская почему-то. А сейчас восстановлена, как всегда это бывает. И этнология восстановлена, и педология восстановлена. Вот. Так что ошибку выдали тогда, но не признают. Там я вел малый практикум. Там я мало времени тратил, мне это было скучно и неинтересно, и Кольцову было скучно, и мне было скучно. Он читал курс зоологии, а я вел малый практикум зоологический (*обращается к Дувакину, который подает какие-то знаки Радзишевской*). Что это вы ей?

В.Д.: Тихо стали говорить.

Марина Васильевна Радзишевская: Ничего, пожалуйста.

Н.Т-Р.: А я думал, вы какой-то таинственный знак, мистический и масонский ей подаете (*все смеются*).

В.Д.: Вы вдруг тихо стали говорить.

Н.Т-Р.: А! Вот, значит, этими делами я в основном и зарабатывал деньги.

”

Значит, у меня было пятьдесят шесть, иногда пятьдесят восемь часов в неделю педагогике: на двух рабфаках, в Практическом институте и в Медико-педологическом институте. С 22-го года, кроме того, Кольцов мне подбросил небольшое жалованьишко по институту.

Я в это время начал работать научно, уже официально. Во-первых, на Звенигородской гидрофизиологической станции. Заведовал этой станцией Скадовский. Он был и организатор и, собственно, владелец этой станции. Он свою дачу под нее употребил, у него был там участок земли, и он организовал станцию. (*Дувакин пытается остановить руку Н.В., которая постукивает по столу*.) Ну, это не слышно. (*Еще раз постукивает, теперь уже громче, как бы дразня Дувакина. Ухмыляясь, обращается к Радзишевской*.) Надо же позлить его (*все смеются*).

Звенигородская биостанция

Так вот. Летом часть, наиболее активная, кольцовского практикума, так сказать, второгодники... большой практикум кольцовский продолжался два года. Это только большой практикум зоологии беспозвоночных двухгодичный был. Лаборатория была открыта круглосуточно, ключ лежал в определенном месте.

В.Д.: Так же, как и там? Вы говорили уже «Ключ лежал...» Это было про другое, про университет?

Н.Т.Р.: Да, про университет.

В.Д.: А это?..

Н.Т.Р.: А тут тоже, я про это напоминаю только. Из тех, кто второй год уже работал, самые активные, так сказать, и интересующиеся науками, обыкновенно летом работали уже либо на Звенигородской гидрофизиологической станции, либо в Аниково. Это в шести верстах от Звенигорода, от звенигородской станции, немножко выше по Москве-реке, на шесть верст. В Аниково была генетико-селекционная станция, где генетикой кур занимались, в основном, и еще кое-какой селекцией и генетикой. Там верховодил Серебровский, один из учеников Кольцова еще по университету Шанявского, так же как и на Звенигородской станции Серебровский⁴, тоже ученик Кольцова по университету Шанявского и сотрудник.

⁴ Оговорка, надо Скадовский — ред.

Вот. И летом шла работа на этих станции. Я, а потом Елена Александровна вступили в группу гидробиологическую. И мы под эгидой Скадовского, он был старшим, руководителем от Главрыбы (было такое учреждение) пустились изучать гидробиологию всех среднерусских озер. Оказывается, в средней России, так радиусом в сто с небольшим верст вокруг Москвы, озер до черта. Есть совершенно замечательные озера, группы озерные. Например, Нерские озера: Нерское, Долгое, Круглое — самые крупные из этой группы. Никольские озера немножко подалее, затем Тростенское озеро совершенно замечательное, Глубокое озеро...

В.Д.: Тростенское, это где?

Н.Т.Р.: Тростенское — это так верст, наверное, пятнадцать — двадцать от Нового Иерусалима. Ну вот. Они только, большинство из них, самые красивые, не на железной дороге, поэтому некоторые озера и до сих пор еще озера, а не помойные лужи, так сказать, вокруг которых сидят и делают по большой и по маленькой десятки и сотни тысяч так называемых туристов. Это такая очень крупная саранча (*усмехается*), значительно более вредная, чем мелкая обыкновенная саранча.

В.Д.: Читали в прошлой «Литературке»?..

Н.Т.Р.: «Литературку» я, простите, не читаю уже лет пять.

В.Д.: О том, как гибнут <нрзб.> чайки, со Средиземного моря прилетают ежегодно к нам и здесь гнездятся. Так они гибнут.

Н.Т.Р.: Ну, это врут, что со Средиземного моря ежегодно гнездиться прилетают под Москву. Это врут. По чайкам я мало-мало специалист. Но что гибнут — это вполне допускаю.

На генетической станции Аниково. Верхний ряд слева направо: 4-й А.Н. Промптов, 9-й Б.Л. Астауров, 10-й С.С. Четвериков, 11-я Е.И. Балкашина, 12-я Е.А. Тимофеева-Ресовская, 13-й Н.В.Тимофеев-Ресовский, 16-й С.Р. Царапкин, 17-й П.И. Живаго. Средний ряд: 2-й А.С. Серебровский, 4-й Н.К. Кольцов. 1924

Так мы занимались гидробиологией. Так как Главрыба была почтенное учреждение, и во главе Главрыбы стояли почтенные ученые дяденьки, и у них был план, у них был бюджет, но не было денег. Бюджет был, а денег не было. То есть они бывали, деньги, время от времени, и тогда надо было ловить момент. Это уже было дело Сергея Николаевича Скадовского. А изучали мы озера в основном, значит, по причине наличия у Сергея Николаевича Скадовского переживших революцию золотых часов с золотой же цепкой и с золотыми же брелоками, которые тогда весьма выгодно можно было закладывать у московских каких-то евреев. А у меня были первого выпуска швейцарские воронёные часы «Омега» на цепочке, тоже воронёной, но почему-то эти часы имели тоже какую-то очень большую ценность. Вот эти мои часы воронёные и скадовские часы золотые перед очередной экспедицией закладывались у московских иудеев. Они еще просто были... назывались московские жидки, еще израильтян не было тогда, так же как еще не было... как язык-то у них?

В.Д.: Иврит.

Н.Т.Р.: Иврит, а был идиш, который можно было понимать. Это очень плохой немецкий язык. Вот. Закладывались, значит, двое часов с цепками и на это приобретались... Кроме того, собирали мы посильные взносы. Ну, я был тогда богат по причине пятидесятишестинедельных часов педагогики, да еще трех пайков красноармейских вначале.

В.Д.: Еще были?

Н.Т.Р.: Еще были. Они были основой нашего питания на станциях, потому что в качестве питания мы получали ржу, некоторое количество ржи, просто немолотая рожь.

В.Д.: И варили кашу.

Н.Т.Р.: Да, а ржаная каша сама себя хвалит, как известно. Вот, из нее можно было ржаную кашу варить, грибы собирать можно было, ягоды. Когда были деньги, можно было у мужиков окрестных покупать молоко. Они даже очень дешево продавали, потому что, в общем-то, было перепроизводство молока там. Опять-таки от железной дороги шишнадцать верст, от ближайшей станции Кубинки было. Звенигородская электричка только в последующие годы, при нас уже, строилась, не электричка, а железная дорога, ветка.

”

Это была ветка очень комическая: от Голицына до Звенигорода (что-то пятнадцать верст) была построена такая железная дорога: для простоты, скорости и дешевизны такие глупости, как насыпи, не делали, а просто, так сказать, по лугам и болотинкам положили шпалы, к ним присобачили рельсы и пустили поезд, когда все это было уложено.

Поезд был... паровозик такой типа кукушки, как вот эти маневренные старье, кукушками они назывались, и три-четыре вагончика. И проезжали они иногда действительно остороженько, тихонько, так без каких-либо чрезвычайных

происшествий. А иногда в определенном месте, в определенной болотине, как-то (сколько помнится, ежели ехать от Голицына в Звенигород) на правый бок поезд оседал, оседал, немножко колебался и потом ложился на бок (*смеется*).

В.Д.: Это только первое лето.

Н.Т-Р.: Не-ет, было года два-три, вот так, а потом уже сделали настоящую железную дорогу. И там заготовлены были уже березовые слегги, там берез понарубили мы, не только мы, а, главным образом, звенигородские граждане, такие большие слегги. Значит, почтеннейшая публика вылазила через окна и двери из лежащих вагонов, обыкновенно никаких серьезных повреждений не было, только бабы охали, иногда визжали, но и то больше потому, что таким случаем пользовались, помоложе которые, мужики и их тревожили не с того конца (*смеются*). Вот. Это вы можете выбросить.

В.Д.: Ладно.

М.Р.: Лирическое отступление.

Н.Т-Р.: Лирических отступлений я не делаю, я только эти самые «факты на лице» изображаю. Вот. И, значит, с помощью покойного Архимеда, им придуманного рычага, ставили опять на попа эти вагончики, машинист очень громко дудел, потом чуть-чуть пыхтел, чуть-чуть совсем, чуть-чуть, а мы еще слеггами, значит, подпирали, и помаленьку он из этого опасного места выезжал. Тогда все радостные садились и ехали дальше. Рядом проходил тракт из Голицына в Звенигород, мужики, обыкновенно, эту звенигородскую кукушку обгоняли, кнутиком помахивали и машинисту кричали: «Чипляйся, подтащу!» Вот. Но мы, даже когда запустили... редко ездили, ежели очень много вещей, потому что от Звенигорода до нас было... до нашей станции было девять верст, с Кубинки — шиснадцать. Разница не так уж велика.

В.Д.: Через Кубинку было больше смысла.

Н.Т-Р.: Да. И быстрее было. И там всегда были мужики с подводой, а некоторые даже с бричками, можно было нанять. Значит, там мы хорошо работали и приучились, действительно, к серьезной, хорошей, научной работе как полевой и экспедиционной, так и лабораторной. Это самое главное было.

В.Д.: Что же вы там, по содержанию, делали?

Н.Т-Р.: По содержанию мы занимались гидробиологией среднерусских озер. Кое-кто занимался планктоном, вроде меня, по преимуществу, кое-кто — бентосом, то есть донной жизнью, кое-кто — макрофитами, то, что хохлы называют, ученые эти, всякий тростник, камыш, рогоз, прибрежная растительность и всякая такая штука. Вот. Кто рыбками занимался, кто насекомыми.

В.Д.: И выпускали какую-нибудь литературу?

Н.Т-Р.: Почти ничего не выпускали. Делали кое-когда доклады, тогда еще ничего особенного не выпускалось, а потом, уже после...

В.Д.: Куда-нибудь все-таки шло?

Н.Т-Р.: Да нет, шло в виде отчетов в Главрыбу, то есть оседало не наших головах, а в железных шкафчиках, так же как три четверти теперешней советской науки оседает тоже неведомо где. А кое-что печаталось, заметочки там — мало печаталось. Вышло, кажется, два выпуска трудов Института экспериментальной биологии.

В.Д.: Ну, и потом был рост научных кадров, как теперь выражаются?

Н.Т-Р.: Да, немножко кадры росли, но, к счастью, не особенно быстро сильно, но все-таки такого вот повального бедствия не было, как сейчас, что каждый дурак, неспособный даже торговать сигаретами в ларьке, лезет в науки. Вот.

В 22-м году меня и еще пару человек Николай Константинович Кольцов, ставши заведующим московским отделом КЕПСа (КЕПС — это Комиссия естественных производительных сил страны Академии наук), Кольцов был избран там членом-корреспондентом и начальником Московского отделения КЕПСа. Это замечательная была организация, созданная Вернадским Владимиром Ивановичем.

В.Д.: Она уже была, существовала?

Н.Т-Р.: Она была создана... когда? в 17-м году... в 16-м году, по-моему, сперва в виде маленькой, действительно, комиссии просто при Академии наук. И вот к началу 20-х годов она организовала людей по всей России, где были, значит, подходящие ученые, по изучению естественных производительных сил страны, начиная с человеческих. Там были антропологи и демографы привлечены, с одной стороны, и кончая микробиологами, и почвоведом, и геологами, и всякой такой штукой, через всякие сорта биологов. Академия наук была в Петрограде, и там, в основном, значит, КЕПС находился. А так как в Москве... Москва стала столицей, и тут много больше жизни было, а Петроград ведь, как известно, в 19-м — 20-м году почти так же, как во время блокады, вымер, там был полнейший голод.

В.Д.: Разъехались.

Н.Т-Р.: И разбежались, кто мог, и померло тоже очень много людей от голода, и холода, и всего. Вот интересно бы узнать, где это находится. Замечательную серию графическую, рисунков, вот этого голодного, холодного, разрушающегося Петрограда выполнил Добужинский. Была выставка его в начале 20-х годов в Москве уже и в Ленинграде, кажется, в 22-м — 23-м году, перед его отъездом в Литву. Он же литовец по происхождению и потом уехал в Ковно, Каунасом который стал. Вот. Вместе с уезжавшим в Каунас литовским послом, который до того в Литве никогда не был...

М. Добужинский. Из жизни Петрограда 1920-х гг. 1920. bibliotekar.ru

В.Д.: Балтрушайтис.

Н.Т-Р.: Балтрушайтис, да. В Москве специально его сделали послом, когда сделалась республика, а он по-литовски-то ни гу-гу. Он в качестве посла выписал из Литвы какого-то народного учителя, хорошо говорившего по-русски и знавшего литовский язык, и в Москве уже брал уроки литовского языка.

В.Д.: Он неплохой поэт был.

Н.Т-Р.: Да-да-да.

В.Д.: Юргис Каземирович.

Н.Т-Р.: Да. Так вот он вместе с Балтрушайтисом, кажется, в 23-м году уехал в Каунас, где он прожил до занятия Литвы немцами, после чего драпанул в Америку.

В.Д.: У меня есть вопрос о Кольцове, вы еще будете говорить о Кольцове?

Н.Т-Р.: Буду, конечно.

В.Д.: Я просто хочу спросить... Я слышал, конечно, вообще о нем, но образ у меня сейчас впервые... Это тот самый Кольцов, о котором в свое время писал и ругался Вересаев? Евгеника — что значит это слово?

Н.Т-Р.: Что о Кольцове писал и ругался Вересаев, я не знаю. Вересаев — скучный, бездарный человек, написавший «Записки врача» или как она там называется. Какая-то истерическая книжка, за каким чертом его держали пять лет на медицинском факультете, выгнать надо было. Вот. Хотя потом он, от отчаяния, по-видимому, и со скуки, в конце своей жизни написал невредную книжку про Пушкина.

В.Д.: Тоже вредная.

Н.Т-Р.: Да нет, не вредная.

В.Д.: Вранья много.

Н.Т-Р.: Ну, вранья, конечно, потому что он серый человек был, вообще. Я думаю, не вранья — неведения.

В.Д.: Да, это, конечно, так.

Н.Т-Р.: Он был слишком бездарен, у него отсутствовала фантазия для того, чтобы врать. Вральманом он не был и не мог быть.

В.Д.: Нет, конечно, в смысле ошибок.

Н.Т-Р.: А о том, что он выражался о Кольцове, я даже не знал.

В.Д.: Нет, дело не в нем, а дело в том, что со словом «Кольцов» связано слово «евгеника».

Биологические институты. Евгеника и генетика

Н.Т-Р.: Как известно, Кольцов и Филипченко выпускали «Евгенический журнал»⁵. Евгенику выдумал Голтон⁶, по-моему, еще в XIX веке, это, так сказать, наука об улучшении людей.

⁵ «Русский евгенический журнал» выходил с 1922-го по 1930 гг.

⁶ Так произносит это имя Н.В. В нашей научной литературе принято написание «Гальтон»

В.Д.: Породы человеческой.

Н.Т-Р.: Породы человеческой. И, в общем, осмыслена так называемая отрицательная евгеника: борьба с распространением наследственных болезней в человеческом обществе. Это действительно серьезная проблема, которую и сейчас...

Ну, как всё у нас, сперва угробили массу людей, повыгоняли, посылали, в лагерях сидели за евгенику, промежду прочим. А теперь организуются медико-генетические консультации по всему Союзу практически, по евгенике.

В.Д.: Действительно, и термин и затея связаны с Кольцовым?

Н.Т-Р.: Да нет, я говорю — Голтон. Кольцов еще только-только родился, когда Голтон развивал в Англии евгенику.

В.Д.: А у нас потом?..

Н.Т-Р.: У нас, пожалуй, первый Филипченко, в Петербурге.

В.Д.: Я в школе по учебнику Филипченко учился, помню, «Общая биология».

Н.Т-Р.: Да. А потом собак вешать начали уже в конце 30-х годов на Кольцова, потому что Кольцов издавал «Евгенический журнал» несколько лет. Там печатались очень интересные работы генеалогические, между прочим. В те годы были точно установлены родственные связи вот этих семейств: Пушкина с...

В.Д.: Тютчевыми.

Н.Т-Р.: ...с Тютчевыми, с Аксаковыми, еще с кем-то...

В.Д.: С Толстым.

Н.Т-Р.: ...с Толстым, да. Вот это всё компания кольцовская.

В.Д.: Это он нашел?

Н.Т-Р.: Да-да-да-да-да. Немножко занимались... вот, Бунак, антрополог, он жив до сих пор, старик, ему девяносто с чем-то лет, антрополог Бунак. Он начал заниматься генетикой человека, рядом признаков у человека. Затем такой Левит, врач, занимался генетикой, проделал ряд работ на дрозофиле для того, чтобы овладеть генетикой современной, и потом организовал в Москве Медико-генетический институт, очень интересный. Но в 38-м году его арестовали, и целую компанию арестовали, институт разогнали, и на этом кончилось. А так, значит, пять лет: с 33-го по...

В.Д.: 38-й.

Н.Т-Р.: ...38-й с большим успехом этот институт работал, издал четыре или пять томов трудов, очень хороших. Вот наследование аллергий различных: от мигреней до астмы включительно — это все единый наследственный комплекс. Кому как повезет: крапивница, мигрень или астма — это все одна и та же болезнь, наследственная.

В.Д.: Понятно. Спасибо.

Н.Т-Р.: Теперь... А зимой мы работали, в основном, значит, в Институте экспериментальной биологии. Он тогда находился на Сивцевом Вражке, во дворе, в таком особнячке, трехэтажном что ли домике, прекрасном Институте экспериментальной биологии кольцовском.

В.Д.: Просуществовал до?

Н.Т-Р.: Он и сейчас существует, даже в двух видах... в трех видах. Значит, отвлекусь уже в теперешние времена. Кольцовский институт расширился, и после моего отъезда в Берлин уже, в 26-м году, переехал в более крупное помещение на Воронцовом Поле, сейчас эта улица тоже как-то иначе называется.

М.Р.: Обуха.

Н.Т-Р.: Обуха, да,

В.Д.: Это где Институт Карпова, химический?

Н.Т-Р.: Да, рядом. В другом особнячке.

В.Д.: И Институт питания там...

Н.Т-Р.: Совершенно верно. Так вот. Потом, в 39-м, кажется, году Кольцова выгнали из директоров, институт было приказано реформировать, посадили какого-то директора и передали в Академию наук. До этого он был в Наркомздраве, но институт фактически остался, его переименовали в Институт цитологии, гистологии и эмбриологии Академии наук.

В.Д.: Слово «генетика» было выброшено?

Н.Т.Р.: Да генетики и не было, был Институт экспериментальной биологии. Часть состава перешла в только что тогда организуемую Академию медицинских наук, и там был организован Институт экспериментальной биологии. Он недавно, три года только тому назад упразднен и превращен в новый совершенно институт, тоже Академии медицинских наук, Институт медицинской генетики, директором коего состоит мой друг и ученик Николай Павлович Бочков, который у меня тут работал, в Обнинске, и потом стал директором этого нового института. Он врач по образованию. Вот. И ряд моих учеников, здешних, и сотрудников теперь там тоже, в этом институте, работают.

Теперь, институт же, вот этот кольцовский бывший, был слит с Институтом эволюционной морфологии, северцовским, и превращен в конце концов... умер директор... был Хрущов, гистолог, ничем не замечательный. И превратился он в то, что в Москве называлось «академическая помойка»: институт, в который свалили как-то остатки всяких недорезанных, недобитых и прочих людей из разных институтов. Вот этот Институт эволюционной морфологии имени Северцова. Лет десять бились над тем, чтобы добиться разрешения высшего начальства назвать его именем Северцова, потому что Северцов тоже был не в чести, конечно.

В.Д.: Все-таки не изгонялось имя совсем, допускалось...

Н.Т.Р.: Да, гналось это имя не так как Кольцова, но тоже все-таки. Вот дарвинизм был, а дарвинизм заменили на ламаркизм, открыли во всех вузах кафедры дарвинизма, на которых антидарвинизм преподавался, совершенно откровенный антидарвинизм. Ну, конечно, все-таки кое-кто пограмотнее наверху понимал, что это что-то не того, поэтому Северцова тоже принято было — не упоминать лучше. Но все-таки мы все добились, в общем, разрешения назвать этот институт имени Северцова. И существовал он в виде таком... влачил существование. Там были всякие люди, в том числе и Борис Львович Астауров там лабораторийку имел.

В.Д.: А Борис Степанович Матвеев был там?

Н.Т.Р.: Матвеев тоже там что-то подкармливался, но он, в основном, в университете был. Много там людей было, и хороших, и плохих. Пока, наконец, лет, наверное, шесть тому назад, не решили разделить на два института. Это разделение состоялось: чистая публика отошла к Астаурову, и было названо это «Институт биологии развития». Директором стал академик Астауров, вот недавно скончавшийся, Борис Львович Астауров, старый мой друг, про которого я буду вскоре рассказывать. Один из тоже первых основателей этого четвериковского кружка Дроздоор. А другая половина, посерее, отошла под нового директора, сейчас очень процветающего такого, Евгения Владимировича или Владимира Евгеньевича Соколова. Недавно его в академики избрали. По-моему, такой из молодых, да ранний, предприимчивый человек такой, я бы сказал, не отрицательное явление явно. Он, конечно, хамло, не настоящий ученый, а так, автор-пропагандист, так сказать.

(Запись прерывается в связи с окончанием дорожки.)

М.Р.: Пожалуйста.

Н.Т.Р.: Он так и называется теперь «Институт морфологии... эволюционной, кажется, морфологии и экологии животных имени Северцова». И он лучше стал, чем тот, «помойная яма» бывшая. И, конечно, неплохой институт вот этот, астауровский. Оба они в Москве имеют еще одно большое преимущество, особенно астауровский институт: он не гигантский институт. Академические институты все страдают гигантоманией и гигантизмом. Это неуправляемые, огромные какие-то комплексы зданий, где наука затеривается где-то.

В.Д.: Огромное количество бумаги, огромный аппарат управленческий.

Н.Т.Р.: Да-да-да-да. Вот. А астауровский институт и вот этот «Морфологии и экологии животных», ну, по пятьсот человек, может быть. Это считается совсем маленький институт в Академии наук. ФИАН — там семь с лишним тысяч, в семеновском институте что-то три с половиной тысячи. Московские академические институты — тихий ужас!

В.Д.: Понятно. Это ваше отступление?

Н.Т.Р.: Да, конечно.

М.Р.: Это ответ на ваш вопрос.

В.Д.: Да. Теперь вы возвращаетесь.

Наука и прочие работы

Н.Т.Р.: Я возвращаюсь. Так вот, я вам рассказал, чем я деньги зарабатывал: вот этой педагогикой всякой, ну, и пением и докладами в ППУОКРе. А летом, значит, всю эту педагогику и военное пение я прекращал, работал на станции и изучал озера. А зимой, то есть осень, зиму и весну, в общем, так сказать, семь с половиной месяцев... четыре с половиной месяца на станции проводил, пять, а семь или семь с половиной месяцев, значит, в Москве колбасился по всяким этим педагогикам. И обыкновенно в девять вечера прибегал домой, жрал, как австралиец, наедался всем, что было вообще. Набирался так, что еле вздохнуть мог, и сразу же бежал, благо рядом было, в Сивцев Вражек, в Институт экспериментальной биологии.

В.Д.: А жили где?

Н.Т.Р.: В Никольском переулке, Плотников теперь.

В.Д.: Дом ваш уже снесли?

Н.Т.Р.: Какой?

В.Д.: Где вы жили?

Н.Т-Р.: Тогда где жил? Нет, не снесли. Он стоит, дом номер шесть.

В.Д.: Шесть?

Н.Т-Р.: Да. Это между Гагаринским и...

В.Д.: 1-м Успенским, 2-м Успенским...

Н.Т-Р.: Да, Успенским. Домик деревянный на углу Гагаринского мы в революцию спалили, стопили просто, разрушили да сожгли. Топиться-то надо было чем-то.

В.Д.: Это там, где теперь наша поликлиника гагаринская?

Н.Т-Р.: Не знаю, я там в деталях не рассматривал. Там маленький был домик угловой, прижавшись к нашему. Наш-то шестизэтажный, высокий такой дом, хороший дом.

В.Д.: Там еще скульптуры такие стоят.

Н.Т-Р.: Не знаю, по-моему, скульптур нет у нас. Вот. Значит, бежал в кольцовский институт и там так с полдесятого, с десяти до двух работал, тогда уже, в основном, с дрозофилами. С 22-го — 23-го года начал заниматься, в основном, генетикой. Как пришли мы к генетике, это я сейчас особо расскажу, в виде такого маленького отступления. Упомяну только про чисто бытовую часть сейчас.

Значит, тут очень мне пригодилось то, о чем я вам когда-то рассказывал, не знаю, в машину или без, что я еще, по-моему, в восьмом классе гимназии будучи, почувствовал нехватку времени у себя и насобачился не спать. Вот тут это мне очень пригодилось. Я, значит, до двух, даже до третьего часа работал в институте, потом приходил, еще немножко читал, так в три, в полчетвертого засыпал и часов в половине восьмого вставал — и начинал все сначала. Значит, так вот и колбасился, и колбасился, и колбасился. И еще посмеивался. Вокруг меня люди как-то не умели так много колбаситься почему-то, либо считали, что они больны или заболевают. Одному казалось, что у него сердце, другому казалось, что у него легкие, третьему казалось, что у него какая-нибудь печенка. Одним словом, все вокруг меня специализировались по разным потрохам (*усмехаются*). А я как-то не верил в потроха, а верил в старую русскую поговорку: человек не свинья — все вынесет. Во! И действительно, выносил хорошо. Правда, жена утверждала, что к отъезду за границу я, по ее выражению, дошел до ручки, но будто бы это выражалось только в том, что я отощал малость (но это хорошо, говорят, надо тощать), и, так сказать, у меня появилось некоторое такое устремление куда-то всегда — все бегал. Но так ничего, жил и жил. Аппетит всегда был у меня хороший, съедал я все, что мог. Ежели человек достаточно ест, то может и работать.

В.Д.: А если слишком много ест — тоже плохо.

Н.Т-Р.: Ежели слишком много ест и ничего не делает — тогда плохо, тогда он жиреет. А ежели вот колбасится и много ест, то это хорошо, потому что прибавляется и физической силы, и какой-то психической устойчивости против всяких мировых явлений окружающих. Все в порядке тогда. Вот.

” А как вы знаете, наше время было в смысле мировых явлений того, шершавое время. Но, вообще-то, тогда жизнь была хорошая. Вообще, первая половина 20-х годов было очень хорошее время в России и, в частности, в Москве. А так (ну, 20-й год был, конечно, паршивый) с конца 21-го года и до конца 26-го, начала 27-го года было время очень хорошее.

В.Д.: Это так.

Н.Т-Р.: А вот потом, с 28-го года...

В.Д.: Уже пошло...

Н.Т-Р.: ...пошло плохо, и с 30-го началась вот та мура, которая у нас никак кончиться не может, называемая официально культом личности, по-моему.

В.Д.: Да. Еще был год великого перелома.

Н.Т-Р.: Это 29-й год — год великого перелома.

В.Д.: Да. Еще 28-й был терпимый.

Н.Т-Р. (*обращается к Радзишевской*): Вас тогда еще на свете не было или были уже?

М.Р.: Нет.

Н.Т-Р.: Ах, да вы в 41-м году...

В.Д.: Еще ее мама девочкой была.

Н.Т-Р.: Да. Господи боже мой! Да, вы же издания 41-го года.

В.Д.: Трудно к этому привыкнуть.

Н.Т-Р.: Ну да, это трудно вообразить. Сидит человек, который ни черта не видел, ничего не знает, и, вообще, даже неизвестно, человек это или не человек (*смеются*).

В.Д.: Истинно так.

Н.Т-Р.: Так ведь?

М.Р.: Спелись (*все смеются*).

В.Д.: Ну, ничего, можно повеселиться.

М.Р.: Так вернемся...

Н.Т-Р.: Вернемся на первое, как говаривал... кто?.. протопоп Аввакум. Читали вы протопопа Аввакума или нет?

М.Р.: Кое-что.

В.Д.: С них спрашивали.

Н.Т-Р.: А где она училась-то?

В.Д.: У нас, на филологическом.

Н.Т-Р.: А что, на филологическом еще что-то там спрашивают, на филологическом? И учат чему-то? Мать честная!

В.Д.: Мало спрашивают.

Н.Т-Р.: Мало?

В.Д.: А впрочем, последние семь лет, не знаю, может стали. Мы мало учили.

Н.Т-Р.: Ну, ладно. Так вот, как бы мне перейти к следующему. А следующее вот что. Тут среди всех этих педагогов, мы ведь еще, кроме того, в свободные минутки продолжали кружок наш. В самом начале 20-х годов, после того, как я вернулся с фронта, осел в Москве, мы еще кружком занимались, занимались там всякой штукой.

В.Д.: Еще он остался, круг этих людей?

Н.Т-Р.: Не совсем. Он частично пополнялся, частично распадался, а потом, так сказать, кончился наш «Сикамбр».

В.Д.: Как расшифровывался «Сикамбр»?

Н.Т-Р.: «Сикамбр» не расшифровывался.

Сикамбр был знаменитый дуб в Древней Греции, под которым собирались мудрецы, чесали языком и чесали себе зады от безделья. Вот сидели там, задницу чесали и языком чесали. И назывались греческие мудрецы, одним словом, древнеримские греки.

Вот. (*Дувакин усмехается*.) Вас учили таким народам?

В.Д. (*смеется*): Ну, ладно.

Дрозсоор

Н.Т-Р.: Так вот, и у нас организовался новый кружок уже, наш научный кружок среди кольцовцев, так сказать, вокруг очень симпатичного человека и умницы большого Сергея Сергеевича Четверикова. Мы, то есть несколько молодых тогда человек и, значит, уже стареющий молодой человек, Четвериков... (*обращается к Дувакину*) ведь у вас когда? Без четверти четыре первая ваша электричка?

В.Д.: Да, а вторая — четыре девятнадцать.

Н.Т-Р.: Так. Значит, к первой электричке у нас с вами еще полчаса.

М.Р.: Да.

Н.Т-Р.: Вполне времени.

М.Р.: А ко второй — час.

Н.Т-Р.: А ко второй — почти час.

В.Д.: Ну, к первой полчаса нету уже.

Н.Т-Р.: Есть как раз.

В.Д.: Есть? Дорога-то есть.

Н.Т-Р.: Дорога? Туда еще короче дорога, потому что не нужно по этому полю кондыбать, а прямо через пути, нормальным путем. Значит, три-четыре минуты максимум, а вашего ходу, ну, пять минут.

В.Д.: Ну, давайте, продолжайте.

Н.Т.-Р.: Так вот, мы все, то есть все, сдружившиеся в один кружок, это Сергей Сергеевич Четвериков со своей супругой Анной Ивановной, затем Димитрусь Ромашов, Дмитрий Дмитриевич Ромашов, примерно моего возраста, значит, тоже зоолог. Он энтомолог в основном был, тоже работавший на Звенигородской станции каждое лето. Затем, вот Лиля Балкашина, Елизавета Ивановна Балкашина, она была гидробиологом в нашей гидробиологической группе. Затем, такой Александр Николаевич Промптов, любитель птичек, птиц. Затем Николай Константинович Беляев такой, покойный. Значит, все, кого я перечисляю, кроме Лили Балкашиной и меня — покойники. Затем такой Васин, Борис Васин.

На ступеньках Белой дачи. Верхний ряд слева направо: Н.К. Беляев, Н.В. и Е.А. Тимофеевы-Ресовские с сыном Дмитрием (Фомой), С.Р. Царапкин, А.И. Четверикова, Е.И. Балкашина и др.

Одно время к нам прилегал Митя Обручев, Дмитрий Владимирович Обручев, один из сыновей такого древнего геолога, академика Обручева, который девяносто четыре года прожил и переплунул этого академика Зелинского, который девяносто три только прожил. Вот. Митя Обручев. Он мой сотоварищ был по гимназии. Он умер недавно, год тому назад, по-моему, или что-то в этом роде. Скучный был человек, крайне ученый, крайне скучный, такой аккуратный человек. Он и в гимназии был такой примерный ученик. Вот. Митя Обручев. Интересовался он преимущественно пауками, извиняюсь за выражение, а потом рыбами, но не те, чтобы бойкой живой селедкой какой-нибудь или что-нибудь, а ископаемыми рыбами. Палеонтологом стал и всю жизнь просидел в Институте палеонтологии des Sciences академии промежду шкафов с ископаемыми рыбами, то есть не рыбами, а кусочками ископаемых рыб. И, говорят, кое-что в ископаемых рыбах понимал. Но так, чтобы он понимал сути дела, того, что вообще происходит на свете и для чего люди живут, это нельзя сказать. Думаю, что не понимал. Как и многие другие.

Так вот. Потом присоединились помаленьку в начале 20-х годов, так до 24-го — 25-го года, появился молодым студентиком Борис Львович Астауров. Он у нас с Лёлькой даже, по-моему, года полтора питался, в Москве живучи. Отец его жил вне Москвы, по-моему, отец его был земским врачом. Борис Львович жил где-то в Москве, у него была комнатка какая-то, причем, объедки он всю зиму бросал за внутреннюю открытую форточку, так что к концу зимы у него света мало оставалось, заполнялось объедками между двух рам. Вот. Появился, значит, Борис Львович Астауров. Затем Сергей Михайлович Гершензон, сын Михаила Осиповича Гершензона.

В.Д.: Сын Михаила Осиповича?!

Н.Т.-Р.: Да. Михаила Осиповича я тоже знал. Михаил Осипович был замечательный человек. Он жил в небольшом доме № 13 в Никольском же переулке. Там наши друзья Залогини жили. А одно время там, попав в Москву, от голода удравши на время, Вячеслав Иванов жил у Михаила Осиповича Гершензона. Большая была комната у Михаила Осиповича. Они в разных двух углах жили. И издали потом книжку «Переписка из двух углов». Это вот когда они жили в большой комнате.

В.Д.: Хотя они, по-моему, ссылаются там на то, что живут в «Здравнице для утомленных работников умственного труда».

Н.Т.-Р.: Там они тоже жили. Но, так сказать, переписывались из двух углов и дома.

В.Д.: Очень хорошая книжка.

Н.Т.-Р.: Очень умная книжка, между прочим.

В.Д.: Да, очень.

Н.Т.Р.: «Грибоедовская Москва» Гершензона — очень хорошая книжка. А Сергей Михайлович, он как-то не ладил с родителями.

В.Д.: Он тогда еще молодой был.

Н.Т.Р.: Он тогда совсем молодой был. Он моложе меня на несколько лет. Он жив и здоровствует, в Киеве сейчас.

В.Д.: Ах, сейчас в Киеве? Меня туда не пошлют.

Н.Т.Р.: Что?

В.Д.: В Киев меня не пошлют, а то я его записал бы. Сын Михаила Осиповича Гершензона — это для меня фигура немаловажная.

Н.Т.Р.: Да. Только с Михаилом Осиповичем он, по-моему, поцапался, будучи студентом еще.

В.Д.: По молодости.

Н.Т.Р.: По молодости и по глупости, конечно. <нрзб.> человек, этот Сергей Михайлович. Потом появился такой Георгий Георгиевич Винберг, совершенно русский человек из шведов.

В.Д.: А Михаил Осипович был все-таки евреем или нет?

Н.Т.Р.: Михаил Осипович Гершензон был еврей, а супруга его была поповна. А он был, по-моему, из выкрестов, крещеный еврей, потому что он слегка, так сказать, даже прилежал к православию.

В.Д.: Да, знаю, знаю. Он очень разнообразный был человек.

Н.Т.Р.: Да.

В.Д.: Широкий.

Н.Т.Р.: Да. Очень занятный был человек, очень занятный. Был такой филолог Петровский.

В.Д.: Михаил Александрович?

Н.Т.Р.: Да, Миша Петровский.

В.Д.: Вы его знали?

Н.Т.Р.: Немножко. Он покойник тоже уже.

В.Д.: Знаю, знаю, я слушал его лекции, даже сдавал конспекты.

Н.Т.Р.: Он был литератором так называемого ОПОЯЗа — Общества изучения поэтического языка.

В.Д.: Знаю. Он там побочная фигура был. ОПОЯЗ другие люди создавали.

Н.Т.Р.: Да там создавать-то нечего было, было два с половиной человека. Вообще, затея была, по тем временам, безызыскная в том смысле, что пустили немножко... Это московская была редакция шкловской формалистики. Шкловская формалистика была, конечно, интереснее.

В.Д.: Я его записал тоже.

Н.Т.Р.: Виктора?

В.Д.: Да.

Н.Т.Р.: Виктор Шкловский интересный человек, в общем.

В.Д.: Арап немножко.

Н.Т.Р.: Что?

В.Д.: Только арап немножко.

Н.Т.Р.: Ну, арап, почему же ему не быть арапом.

В.Д. (усмехается): А вообще интересный.

Н.Т.Р.: Он может себе быть и арапом. Вот. Так что, видите, там всякие такие течения немножко перепутывались. Я вам рассказывал, что у нас в «Сикамбр» и к университетскому нашему кружку приезжал Густав Густавович Шпет, очень интересный логик, и Лузин, интересный математик и математический логик.

В.Д.: Значит, Лузин и Шпет были тоже знакомы?

Н.Т.Р.: Да, Лузин и Шпет были, конечно, знакомы, оба были профессора.

В.Д.: Лузин был постарше, наверное?

Н.Т.Р.: Кто из них старше, я не знаю.

В.Д.: Ну, тот же Реформатский, но это уже...

Н.Т.Р.: Шурка Реформатский?

В.Д.: Да.

Н.Т-Р.: Шурка-то? Так это мой приятель по гимназии еще.

В.Д.: Ах, вот как! Когда слушал вашу предыдущую запись, подумал: «Господи, вот надо свести с Реформатским...»

Н.Т-Р.: Что меня сводить с пьяницей-то. Я его знаю спокон веков.

В.Д.: Он бывал... о языке разговаривали.

Н.Т-Р.: Да ну... пьяница несчастный! Вообще, он пьяница, но...

В.Д.: Талантливый человек.

Н.Т-Р.: Он способный очень человек, не талантливый, а способный. Не очень умный человек, очень способный человек и страшный зазнайка. Он всю жизнь считает себя гением, так сказать, а на самом деле он всю жизнь протрепался. Так трепачом был, трепачом и остался. И что он сделал? Он неплохой учебничек, вот, языкознания написал для пединститутов. Так? Ну, пару статей таких полукompилятивных.

В.Д.: По словарям много издавал.

Н.Т-Р.: Ну да, так компилятивной работой занимался, когда не был пьян.

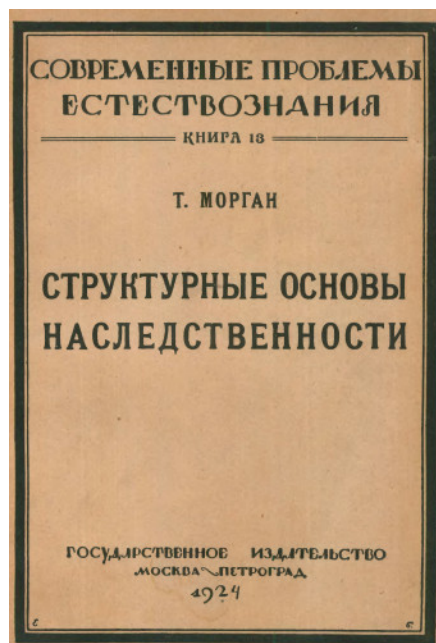
В.Д. (посмеивается): Он пил много, это верно.

Н.Т-Р.: Да. Это из нашей гимназической еще компании, «сикамбровской».

В.Д.: Так. Дальше.

Преимущества изоляции

Н.Т-Р.: Так вот, значит, организовался четвериковский кружок у нас, в котором мы вот чем заинтересовались. У меня и у некоторых людей моего поколения еще под влиянием занятий, с одной стороны, кое-какой логикой, с одной стороны, феноменологической логикой Гуссерля, а с другой стороны, математической логикой лужинской, а с другой стороны, понаслышке... потому что, вы не забываете, как научные работники мы были совершенно изолированы от мира примерно с 16-го года и до 23-го. Шесть-семь лет мы же были изолированы. Я до сих пор помню: в 21-м году Кольцов получил от своих немецких друзей из-за границы один экземпляр книжки Моргана «The physical basis of heredity». Она по Петрограду, Москве и Киеву гуляла. Все мы ее прочли, и потом она была разодрана по главам и под редакцией Кольцова переведена молодежно. И вышла в качестве одной из первых книг в серии «Современные проблемы естествознания» в Госиздате в 22-м году, по моему, под русским титулом «Структурные основы наследственности».

Обложка книги Т. Моргана «Структурные основы наследственности». publ.lib.ru

В.Д.: Оттуда и пошел в Советском Союзе морганизм?

Н.Т-Р.: Морганизм, да. Так вот. Но дело в том, что это показывает, как нам приходилось работать. Это было, может быть, очень хорошо. И тем, кто остался жив из нашего поколения, это, действительно, пошло на довольно большую пользу. Потому

что у нас не было того, что сейчас распространено в русской науке любых направлений: это заниматься цельнотянутым — цельно тянут с басурман и в науке и в технике: «Айда, айда, догоним, перегоним!» Вот, догоним и перегоним. У нас этого не было. Мы были принуждены довольствоваться собственными мозгами, очень немного нового читать, очень немного, больше так, на поверку.

Н.Т-Р.: А не приводило это в научном плане к изобретению давно изобретенных вещей?

Н.Т-Р.: Нет, нет, нет, нет. Отнюдь, нет. Это очень было хорошо и очень, я бы сказал, плодотворно. Заставляло думать, заставляло находить свои пути, отчасти свои методы, делать науку на соплях и пяти пальцах, что иногда очень полезная вещь.

”

Я и до сих пор считаю, что всякие импортные, стоящие сотни тысяч рублей в валюте приборы и аппараты нужны для разработки мелких деталей, а принципиальное, большое в науке все-таки делается на соплях и пяти пальцах, с помощью размышления, в основном. Вот.

Сергей Сергеевич придерживался такой (Четвериков) вспомогательной гипотезы, что в связи с этим из всей цивилизации для наук полезнее всего цивилизованные (*обращается к Радзишевской*, простите, Марина, не слушайте, ватерклозеты, где можно спокойно, тихо и долго посидеть и всерьез подумать о науках (*смеются*). Потому что хорошая научная мысль обыкновенно так приходит. Вот. Поэтому очень ценили возрождение в Москве ватерклозетов, между прочим. Ведь в революцию всякие такие цивилизации более-менее развалились, отмерли и так далее. Наш дом был в этом отношении очень счастливым: очень быстро восстановилось центральное отопление, очень быстро восстановился газ, у нас газ был...

В.Д.: Совсем уже редкость была.

Н.Т-Р.: Да. Ну, не так уж и редкость. Ведь тогда уже была эта самая...

В.Д.: Газовая колонка?

Н.Т-Р.: ...газовая колонка, так что горячая вода появилась, ванна на газу горячая.

С.С. Четвериков

В.Д.: По-буржуйски жили.

Н.Т-Р.: Да, да-да, мы очень хорошо.

В.Д.: Чурки не кололи и на шестой этаж не носили, да?

Н.Т-Р.: Господи, все это было, потому что, простите, газу-то несколько лет не было и отопления-то тоже не было центрального.

Буржуйки были, все закоптили и так далее. Потом уже отмывали и белили и все такое. Сожгли все, что можно. Например, у меня был десятитомный Брем, «Жизнь животных», эти-то цветные таблицы были все ведь прикрыты папиросной бумажкой. Так из всего Брема, из десяти томов, всю папиросную бумагу выкурили на махре! От тех времен книги такие хорошие до сих пор попадают у букинистов, все в порядке, только папиросная бумага отсутствует — выкурили. Вот.

Значит, этот кружок у нас организовался, в котором мы чувствовали, что надо, так сказать, создавать и в биологии какое-то новое научное унастроение, эволюционное конечно.

Что в дарвинизме как единственной эволюционной теории, другой и до сих пор, в сущности, нету, нужно освежить то, что эта теория эволюционная делает с биологическим материалом. Всякая теория хороша постольку, поскольку она, так сказать, пережевывает и как-то презентует в научном виде материал. И вот мы чувствовали, что что-то новое тут должно быть.

Поэтому по мере своих сил старались друг другу делать доклады на основе всего, что мы могли интересного прочесть. Вот, я говорю, хорошо, что этого было мало, того, что приходило из-за границы, потому что мы не были завалены текущей, каждодневной, скучно и, в сущности, никому не нужной научной литературой, а имели возможность использовать действительно стоящие, крупные вещи в небольшом числе, их реферировали с привлечением посторонних.

Например, несколько раз, будучи в Москве, а не в Петрограде или в Петровско-Разумовском Лев Семенович Берг нам рассказывал. Он тогда выпустил свой «Номогенез». Мы его вовсю ругали и критиковали, но это было очень интересно.

Затем были две очень ученые дамы, которых мы привлекали в качестве гостей нам сделать доклады. Лидия Петровна Бреславец, недавно, ну, как недавно, года четыре тому назад, скончавшаяся уже старой женщиной. Она тогда была очень ученой, ботаник, цитолог, и была красавица, самая настоящая красавица. Уже старушке я ей говорил... страшно она была рада, старушечка, когда я ей говорил, что мы в МОИП, Московское общество испытателей природы, ходили смотреть ее доклады (*смеется*), не слушать, а смотреть ее доклады. Старушка страшно радовалась. И такая же была, которую мы ходили смотреть в тот же МОИП, геолог Варсанюфьева. Она жива еще. Я последний раз ее видел с полгода тому назад, геолог Варсанюфьева. Сейчас скрюченная, еле ходит такая, совсем старушка. Ей уже за восемьдесят.

В.Д. (*Радзишевской вполголоса*): У которой я был, да?

М.Р.: Да.

Н.Т.Р.: Что?

В.Д.: Я был у нее, пытался ее записывать, но она отказалась. Она на Зубовской площади живет.

Н.Т.Р.: А я даже не знаю, где она живет.

В.Д.: Я пытался ее уговорить, но, в общем, она не согласилась.

Н.Т.Р.: Да нет, она сейчас не может уже ничего, я думаю. Она так может несколько вступительных слов к чему-то сказать. Я последний раз видел ее на заседании памяти кого-то. Вот она четыре-пять фраз сказала по поводу покойника что-то такое, общих. Но была очень интересной ученой дамой, и тоже красавица. И мы пробовали всячески, большинством голосов, решать вопрос, кто же из них красивей-то: Бреславец или Варсанюфьева, как-то так голоса делились всегда. В общем, согласились на том, что обе хороши и, так сказать, жаль, что в науки пошли. Ей бы цыганить, особенно Бреславец, она такая немножечко цыганистая была, просто прелесть. Ежели б она вместо науки гитаркой бы овладела!

В.Д.: Ну, ладно.

Н.Т.Р.: Так вот, этот кружок, четвериковский, спаял нашу небольшую группу, которая потом, к середине 20-х годов, выросла так человек до пятнадцати, наверное, молодежи. Я не считаю членами этой группы ту же Бреславец, Варсанюфьеву. Конечно, Берг тогда был уже совсем взрослый дяденька, профессор и прочее. Они гостями были у нас. А вот членами была молодежь, из коей, пожалуй, Ромашов, я, Балкашина и Николай Константинович Беляев были старшие. Астаурову в этом году только должно было исполниться семьдесят лет, он месяц, что ли, не дожил до него, до семидесятилетия. Потом жив еще такой Рокицкий в Минске, белорусский академик, Петр Фомич Рокицкий, тоже член нашего кружка. Ему семьдесят исполнилось, по-моему, год или два тому назад, тоже сравнительно молодой человек. Сергею Михайловичу Гершензону сейчас тоже семьдесят три, наверное, так вот.

В.Д.: Он жив еще? Ах, да, в Киеве живет.

Н.Т.Р.: Да, в Киеве живет. А прочие, значит, все уже покойники.

В.Д.: А ваша основная работа? В то время еще продолжался кольцовский институт как основная работа, так сказать, вне кружка?

Н.Т.Р.: Так кружок был нашей работой тоже. Это рабочий кружок при кольцовском институте. Но собирались мы не в институте, а собирались у Четверикова на квартире, у меня на квартире. У меня была большая очень комната.

В.Д.: Это кружок сотрудников этого института?

Н.Т.Р.: Да. Да-да-да, в основном. Некоторое количество были и не сотрудники, были и студенты.

В.Д.: Пускали бы?

Н.Т-Р. (*возмущенно*): Да не пускали, а кружок был. Что, пускали? Вот как-то естественно дружеский кружок образовался, вот и был этот кружок. Он был не официальный совершенно. Конечно, уже в 30-е годы сразу посел бы весь кружок, и получил бы по червонцу каждый.

В.Д.: Да.

Н.Т-Р.: Я на Лубянке сидел одно время с нищими сибаритами, то есть с двумя из них. Это в 45-м году...

В.Д.: Не будем забегать, дойдем до этого.

Н.Т-Р.: Это были молодые студенты-математики Московского университета, которые со скуки тоже и для интересу затеяли математический кружок.

В.Д.: Кружки все кончились уже в 30-м году.

Н.Т-Р.: Их посадили и получили они все по червончику. Во!

В.Д.: И что же дрозифилы?..

Приезд Мёллера

Н.Т-Р.: И в это время, в 22-м году, летом, произошло следующее. Впервые крупный иностранный ученый, знаменитый уже тогда генетик... (*обращается к Дувакину и Радзишевской*) либо вам нужно сейчас срывать, либо ехать со следующей электричкой.

М.Р.: Со следующей.

В.Д.: Если вы вытерпите, то мы поедем со следующей.

Н.Т-Р.: Вытерплю. Когда мне станет невтерпеж, я вас выгоню.

В.Д.: Давайте так, это самое хорошее.

Н.Т-Р.: Вот. Мёллер. Герман Германович Мёллер прилетел из Америки. Мёллер — это один из первых старейших учеников Моргана, из так называемых четырех разбойников: (*произносит фамилии по-английски*) Морган, Стёртевант, Мёллер энд Бриджес — четыре, значит...

В.Д.: Не слышал никогда этих фамилий.

Н.Т-Р.: Ну, так вы совершенно другой специальности. Вы гуманитарий...

В.Д.: Ладно уж!

Н.Т-Р. (*ухмыляется*): ...а мы про науки сейчас разговариваем.

В.Д.: Ладно, будет вам издеваться. Я когда-нибудь вам сдачи дам (*оба усмеваются*).

Н.Т-Р.: Ладно. Так вот, Мёллер прилетел «ув Москву на ероплане», то есть через Атлантический океан он тогда, конечно, переехал на пароходе, в туристском классе, для того чтоб подешевле было, а из Гавра прилетел на аэроплане... куда же?.. в Мюнхен, по-моему, из Мюнхена в Варшаву, а из Варшавы в Москву. Вот таким манером. И привез культуры дрозифилы и сделал нам несколько докладов. И вообще пожил и потрепался и всякая такая штука. Он был, значит, у нас на обеих станциях: и на Звенигородской, и в Аниково. И были по этому случаю большие винопития, значит, даже где-то Кольцов, и в особенности Серебровский словчил, даже достал целый ящик шампанского системы Абрау-Дюрсо. Великолепное шампанское! И, конечно, спирт. Вот. И были великие пьянства, и было очень интересно.

Г.Дж. Мёллер

Мёллер, действительно, очень талантливый и очень интересный человек. Мы с ним потом стали большими друзьями, тоже покойник, конечно, уже. Он позже по приглашению Вавилова 34-й, 35-й, 36-й год — три года провел здесь, сперва в Ленинграде, потом в Москве в Институте генетики Академии наук у Николая Ивановича Вавилова. Вот. По-русски неплохо выучился говорить, превратился из Хермана Мёллера в Германа Германовича, папаша его тоже Херман был, значит, Герман Германович. Так? Вот. И потом в 36-м году удрал. Ему уже в 34-м, 35-м году было ясно, куда все катится здесь. Он до конца 36-го года дотерпел, а потом вовремя смылся. В 37-м году ему бы уже, пожалуй, несмотря на американское гражданство, было бы небезопасно. Во всяком случае, многих бы посадили и из-за него.

В.Д.: Да, конечно.

Н.Т.Р.: Он все это сообразил и смылся. Он читал доклады нам по-немецки. Выяснив, что отдельные, несколько человек из нас... ну, я знал английский язык... очень немногие, ведь тогда... Это сейчас у нас молодежь не знает английского, а о прочих конгрессных языках даже и не слыхала, что существует французский, немецкий. А тогда еще осталось поколение, учившееся в гимназии. А гимназисты все-таки... ну, ваше поколение-то, конечно, не знало языков в средней школе, а все-таки кончавшие дореволюционные гимназии...

Аниковская генетическая станция. Приезд Мёллера. В центре Г. Мёллер. Справа от него А.С. Серебровский, слева Д.Д. Ромашов и П.И. Живаго. 1922

В.Д.: Знали примерно столько, сколько сейчас кончающие филологический факультет, даже больше.

Н.Т.Р.: Больше, конечно, больше, больше.

В.Д.: По языкам больше, да.

Н.Т.Р.: Ну, вот. По-французски и по-немецки бегло говорить те, у которых не было практики, не могли, но совершенно свободно читали и писали и по-немецки, и по-английски⁷ и, конечно, все понимали. А английский язык у нас был ведь необязателен, и далеко не все гимназисты учили английский язык. У нас он в гимназии был. <нрзб.> я играл в футбол с мистером Вильсоном, так что я через футбол английский язык-то изучал. Но Мёллер быстро выяснил, что английского языка никто не знает, а он немецким владел и был уверен, что он совершенно свободно говорит, но, например, *Menchen und Weibchen* у него назывались *Monschen and Wobschen*. Никак наши сперва не могли понять, что это за *Monschen* и *Wobschen* у дрозофилы. А это были самцы и самки мушиные. Вот.

⁷ Оговорка: по-французски — ред.

” Так что в 22-м году произошла очень существенная вещь: мы вступили в личный контакт с тогда самой передовой генетикой, вот с моргановской группой непосредственно через Мёллера.

Мёллер все-таки, я не помню, недели три тогда пробыл у нас или месяц, так что мы, так сказать, и натрепались с ним вдосталь.

В.Д.: Переводили вы уже Моргана, когда он уехал?

Н.Т.Р.: Моргана-то до того мы достали, мы уже, так сказать, были в курсе дел всех.

В.Д.: Я помню, что в 1926 году в средней школе, в девятой группе, в биологии Филипченко я читал про Моргана и про...

Синтез генетики и дарвинизма

Н.Т.Р.: Да, в 26-м году, конечно. Вот. И как-то вышло так, что большинство членов нашего четвериковского кружка научно, в общем, работали, профессионально научно, в качестве гидробиологов вот в этой самой Главрыбе, но интересы-то у нас были, в общем, эволюционно-генетические. И тут, получив дрозофилу, потрепавшись с Мёллером, до того прочтя Моргана, мы увидели, что, конечно, можно на совершенно новый манер оживить эволюционное учение. Это было, в общем-то наше достижение: вот Четвериков, я, Ромашов этим заинтересовались, в основном. Нам, так сказать, совершенно ясно почуялась

возможность создания нового направления экспериментальной биологии: некоего синтеза экспериментальной генетики с классическим дарвинизмом, так сказать, с эволюционным учением такого сравнительно описательного направления.

В.Д. (*шепчет*): Очень интересно все.

Н.Т.Р.: Поэтому мы помаленьку, один за другим, дезертировали из гидробиологии, так сказать, и перешли на экспериментальную генетику. То есть ничего не произошло внешне: мы в той же лаборатории остались, всё чин чинном, летом работали на той же Звенигородской станции и на Аниковской станции, а зимой в кольцовском институте. Но большинство работавших были не члены нашего кружка, особенно такие... мы их называли киты науки, ослы терпения. Такие довольно уже, ну, с нашей тогдашней точки зрения... нам было от двадцати до двадцати пяти лет, а были тридцатилетние, значит, кольцовские ученицы предыдущего нашему поколению, так сказать, еще по Высшим женским курсам. Вера Николаевна Шредер, Анастасия <Петровна> Таусен и Анна Тихоновна... черт, забыл, вот три таких знаменитых... они все толстые были, все страшно ученые были, страшно скучные были, ничем не замечательные...

М.Р. (*видя, что Дувакин смотрит на часы*): Еще есть время.

Н.Т.Р.: До следующей электрички вам еще...

В.Д.: Еще есть время.

М.Р.: Четверть часа чистые.

Н.Т.Р.: Больше даже, минут двадцать есть. Те не входили в наш кружок, и те так при гидробиологии и остались. Шредер занималась какой-то физико-химической биологией, какие-то клетки как-то мучила, а вот Анастасия Оттовна Таусен, она из этих китов науки была самая талантливая, умная, и из нее толк вышел: она потом стала профессором гидробиологии Пермского университета, выпускала очень хорошие работы, умерла уже после второй войны, так в самом конце 40-х или начале 50-х годов. Вот.

Это было, пожалуй, я бы сказал, самым внутренне теоретически интересным периодом жизни нашего кружка и нашей научной жизни: вот эта перестройка на новые рельсы, которых тогда и за границей не существовало.

Это были, действительно, новые рельсы: попытка, так сказать, оживить и поставить на новые рельсы классическое и важнейшее в биологии эволюционное учение. И я думаю, что это нам удалось.

Ну, во-первых, началось это в кружке. С 22-го года кружок наш стали называть Дрозсоором. Раньше был просто Соор, а теперь Дрозсоор, потому что мы стали со страшной силой нагонять... Мёллер привез нам массу дрозофильной генетической литературы, номеров всяких журналов, и оттисков, и так далее. И мы распределили между собой и реферировали всю важнейшую генетическую экспериментальную литературу, главным образом, дрозофилию, почему наш коллоквиум и получил название Дрозсоор.

В.Д.: Соор — это значит?..

Н.Т.Р.: Совместно орали, о дрозофиле теперь, главным образом. И на этом совместном оборовании дрозофильных экспериментальных работ мы выработали свои несколько новые точки зрения и в генетике. Дело сводилось вот к чему.

В.Д.: Вот-вот.

Н.Т.Р.: За границей, особенно в Америке... в Америке количественно больше всего расцвела, и размножилась, и выросла экспериментальная работа в области генетики. Но там же появились специалисты-генетики, которые, так сказать, с самого начала своей жизни сознательной, начинали сперва дипломные работы по генетике на какой-нибудь дрозофиле или кукурузе делать — и так становились генетиками.

Мы же все не были генетиками. Мы были зоологами, некоторые были ботаниками, микробиологами. Мы были представителями классических биологических дисциплин. И генетика к нам, уже готовым биологам... вот мы уже несколько лет поработали в области ихтиологии или гидробиологии, а другие еще в области орнитологии, или зоогеографии, или еще чего-нибудь.

И тут вот прилетела генетика. Так что у нас и к генетике, я бы сказал, с самого начала сформировалось более грамотное, менее узкое, более широкое и более биологичное отношение, чем у басурман, у большинства басурман.

Крупные европейские классики генетики, всякие Корренсы, Голдшмиты, Бэтсоны в Англии, Пеннетты и так далее, они-то были нам, конечно, ближе, но они не были, в основном, дрозофилистами. Их американские школы кукурузные дрозофильные генетики как-то уже начали оттеснять на задний план. Но они были тоже зоологами и ботаниками, занявшимися генетикой, так же как и мы, с опозданием на десятилетие.

Мы были младшими и позже начали, и в этом, я считаю, было большое достоинство нашего кружка. Ведь кружок, потом ставший Дрозсоором, после пары лет, за которые мы разжевали всю основную интересную, действительно замечательную экспериментально-генетическую литературу по дрозофиле, мы продолжали заниматься всей общей эволюционной проблематикой, как и раньше. Приглашали время от времени красавиц нам что-нибудь прочесть по геологии или цитологии, приглашали того же Берга уже по части теоретической систематики и рыбам, приглашали ряд зоологов. Появились у нас

зоологи-охотоведы. Мы заинтересовались уже как полугенетики генетическими основами промыслового дела, использования производительных сил естественных. Тогда же вот, в особенности у меня, с тех пор так и не увядал интерес к тому, что сейчас модно называется охраной природы, изучением среды. Среда чего? Я всегда спрашиваю: «Которая между вторником и четвергом или какой-нибудь другой?» Оказывается, другой: среды обитания. Кого? Чего? Человека. Ну ладно, среды обитания человека. Вообще-то, живой природы, биосферы Земли. Появился интерес к биогеохимии, к Вернадскому. Эта струя влилась к нам. Потом она уже, после моего отъезда, в 30-е годы, сильно выветрилась. Там у нас, в Москве, начались процессы деструктивные общего порядка, что привело к кульминации конца 30-х годов, когда началось...

В.Д.: Растряска.

Н.Т-Р.: Да. Посаже.

В.Д.: Ну, в общем, началось это не с ученых.

Н.Т-Р.: Началось это... Трудно сказать.

В.Д.: В 26-м году ведь вы уехали, так что вы непосредственно...

Н.Т-Р. (раздраженно): Мы-то, извиняюсь, знали о том, что здесь происходило, много больше, чем вы знали. Ведь вы же за пределами своих соседей ничего не знали!

В.Д.: Да.

Н.Т-Р.: Ничего! Ничего! И когда там появлялись у нас отсюда в 30-е годы отдельные люди, мы же все ахали и поражались: они же ничего не знали. Мы должны были им рассказывать, что в *их* среде делается.

В.Д.: В 28-м году — процесс несостоявшийся историков, Платонова и компании, потом другие.

Н.Т-Р.: Ну, да. Ведь мы же все это знали.

В.Д.: В 30-м году — процесс Промпартии. В 31-м — меньшевиков.

Н.Т-Р.: Ну, да. Мы же знали. Всё ведь у нас было проанализировано. Тамошние русские историки, всякие философы и экономисты все это анализировали, прогнозировали очень правильно, к чему это должно докатиться. И мы все это предвидели. И очень правильно прогнозировали. Кроме того, у нас это было легко. У вас же, кроме правительственного вестника и епархиальных ведомостей, ничего не было: «Правды» и «Известий». В «Известиях» не было известий, а в «Правде» не было правды.

В.Д.: Наше поколение только-только...

Н.Т-Р.: А ведь, вы не забываете, я вам, по-моему, рассказывал: мы-то, в частности, в течение всей войны регулярно, ежедневно получали «Правду», «Известия» и «Экономическую жизнь» через Kaiser Wilhelm Gesellschaft.

В.Д.: Нет, это вы не рассказывали, но это подождем.

Н.Т-Р.: Это я говорю в качестве такого довольно крайнего примера: во время войны получали совершенно регулярно, каждодневно три основных центральных советских газеты. Кроме того, мы же все время пользовались всей же мировой прессой, всей мировой информацией.

В.Д.: Подождите, вы еще не уехали.

М.Р.: Пять минут осталось.

В.Д.: Так что, что ж, закругляться?

М.Р.: Ну, пока пусть стоит.

Н.Т-Р.: Ну, так это можно и не записывать, выключить можно.

М.Р.: Это ладно.

В.Д.: Вы дроздофильскую эпопею... мы можем с этого заново и начать.

Н.Т-Р.: Да, в следующий раз начнем о Дрозсоора.

В.Д.: С Дрозсоора? Потому что вы так его и не закончили?

Н.Т-Р.: Да.

В.Д.: Теоретически вы его описали, но еще не...

Н.Т-Р.: Да, да.

В.Д.: Скажите только, один еще частный вопрос. Этот Морган к тому времени был что, старым человеком?

Н.Т-Р.: Морган... в 32-м году Моргану исполнилось шестьдесят лет.

В.Д.: Я почему спрашиваю... опять-таки страшно спрашивать: вы же меня сейчас раздавите. Но ведь на какого-то Моргана все время ссылается, излагает еще Энгельс. Значит, это что ж, сын его или?..

Н.Т-Р.: Нет. Мало ли Морганов на свете. Миллионер Морган есть известный...

В.Д.: Это другой?

Н.Т-Р.: Что «другой»? Так Морганов до черта!

В.Д.: Я связывал...

Н.Т-Р.: Нет, этот Морган, он начал работать в 90-е годы, а стал известным профессором Колумбийского университета в начале XX века.

В.Д.: Значит, он рождения около 70-го года?

Н.Т-Р.: Да. Точно не помню, но что-то в этом роде.

В.Д.: Примерно сверстник Ленина.

Н.Т-Р.: Да, сверстник Ленина, Кольцова.

В.Д.: Ну что ж, Мариночка, давайте закругляться.

Н.Т-Р.: Можно прекратить...